

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-49-63

Многообразие буддийских путей в «Собрании стародавних повестей»)

М.В. Бабкова, М.С. Коляда, Н.Н. Трубникова

Аннотация. В статье подводятся итоги религиоведческого и историко-философского исследования «Собрания стародавних повестей» («Кондзяку моногатари-сю:», 1120-е годы). Этот самый крупный свод поучительных рассказов сэцува даёт энциклопедическую картину буддизма, каким его знали в Японии к началу XII в. История Закона Будды, показанная в серии рассказов, прослеживается на протяжении веков, от самого начала и до недавней поры, охватывает Индию и Китай и продолжается в Японии; одни и те же вопросы, важные для буддийской общины, с разных сторон освещаются во всех трёх частях собрания. С точки зрения повествователя «Кондзяку», следовать за Буддой в непостоянном мире возможно разными путями: монах в общине, монах-отшельник, мирянин-праведник и мирянин-грешник каждый по-своему движутся к освобождению, и для всех них главной оказывается милосердная забота о других. Всевозможные обряды, основанные на почитании священных книг, повторении имён будд и бодхисаттв, поднесении даров общине и др. служат не только для установления связей с высшими силами, но и для укрепления добрых связей между людьми и избавления от дурных связей. Но к тому же самому ведут и многие мирские обыкновения, казалось бы, далекие от буддийского благочестия: двигаться к освобождению можно по пути правителя, царедворца, воина, богача и бедняка. Любые события, от повседневных до чудесных, можно истолковать исходя из учения о воздании и тем самым найти в них поучительный смысл.

Ключевые слова: японский буддизм, «Кондзяку моногатари-сю:», монахи, миряне, воздаяние, страсти, освобождение.

Авторы:

Бабкова Майя Владимировна, кандидат философских наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12); старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82). E-mail: maya.babkova@gmail.com

Коляда Мария Сергеевна, редактор журнала «Вопросы философии», Институт философии РАН (адрес: 109240, Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1); научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82). E-mail: kolyada-ms@ranepa.ru

Трубникова Надежда Николаевна, доктор философских наук, заместитель главного редактора журнала «Вопросы философии», Институт философии РАН (адрес: 109240, Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1); ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

(адрес: 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82). ORCID: 0000-0001-6784-1793; E-mail: trubnikovann@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 18-011-00558 «Собрание стародавних повестей» («Кондзяку моногатари-сю») в истории японской религиозно-философской мысли».

Для цитирования: Бабкова М.В., Коляда М.С., Трубникова Н.Н. Многообразие буддийских путей в «Собрании стародавних повестей» // Японские исследования. 2021. № 1. С. 49–63. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-49-63

The variety of Buddhist paths in *Konjaku Monogatari-shū*

M.V. Babkova, M.S. Kolyada, N.N. Trubnikova

Abstract. The article summarizes the results of the religious-studies and historical-philosophical research based on the *Konjaku monogatari-shū* (1120s). This largest set of didactic *setsuwa* tales provides an encyclopedic picture of Buddhism as it was known in Japan at the beginning of the 12th century. The history of the Buddha Law, shown in the series of stories, is traced through the centuries, from the very beginning until recently, spanning India and China and continuing in Japan; the same issues that are important for the Buddhist community are covered from different angles in all three parts of the collection. From the perspective of the *Konjaku* narrator, people can follow Buddha in different ways: a monk in a community, a hermit monk, a righteous layperson, and a sinner layperson – all of them move in their own ways towards liberation, and for all of them the main thing is compassionate concern for others. All kinds of rituals based on the veneration of sacred books, repeating the names of Buddhas and bodhisattvas, presenting gifts to the community, etc. serve not only to establish connections with higher powers, but also to strengthen good ties between people and get rid of bad ties. Many worldly habits, seemingly far from Buddhist piety, lead to the same thing: one can move towards liberation along the path of ruler, courtier, warrior, rich man, and poor man. Any event, from common to miraculous, can be interpreted in terms of the doctrine of retribution and thus one can find an instructive meaning in it.

Keywords: Japanese Buddhism, *Konjaku Monogatari-shū*, monks, laity, retribution, passions, liberation.

Authors:

Babkova Maya V., PhD (Philosophy), Research Fellow, IOS RAS (address: 12, Rozhdestvenka Str, Moscow, 107031, Russian Federation); Senior Research Fellow, School of Actual Studies in Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (address: 84, Vernadskogo Av., Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: maya.babkova@gmail.com

Kolyada Maria S., editor, Voprosy Filosofii journal, Institute of Philosophy (address: 12/1, Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation); Russian Academy of Sciences; researcher, School of Actual Studies in Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (address: 84, Vernadskogo Av., Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: kolyada-ms@ranepa.ru

Trubnikova Nadezhda N., Doctor of Sciences (Philosophy), deputy chief editor, Voprosy Filosofii journal, Institute of Philosophy (address: 12/1, Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation); Russian Academy of Sciences; leading researcher, School of Actual Studies in Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (address: 84,

Vernadskogo Av., Moscow, 119571, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-6784-1793; E-mail: trubnikovann@mail.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

Acknowledgements. The paper is granted by RFBR, Project No 18-011-00558, “Konjaku monogatari shū in the history of Japanese religious philosophy”.

For citation: Babkova M.V., Kolyada M.S., Trubnikova N.N. (2021). Mnogoobraznye buddiyskikh putey v “Sobranii starodavnikh povestey” [The variety of Buddhist paths in *Konjaku Monogatari-shū*]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 1, 49–63. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-1-49-63

Введение

В 2018–2020 гг. авторы этой статьи работали над исследованием одного из самых крупных памятников японской словесности – «*Кондзяку моногатари-сю*», собрания поучительных рассказов *сэцува* конца эпохи Хэйан [Трубникова, Бабкова, Коляда]. Нашей задачей было рассмотреть «*Кондзяку*» не столько как литературный памятник, сколько как источник по истории религий и религиозно-философских учений. При этом мы исходили из того, что каждый отдельный рассказ или серия рассказов из «*Кондзяку*», как бы они ни были интересны сами по себе, могут быть верно поняты только в контексте всего собрания, с учётом многообразных связей с другими рассказами. Разумеется, изучение «*Кондзяку*» ещё отнюдь не завершено, и все-таки нам хотелось бы подвести предварительные итоги. В этой статье мы постараемся ответить на вопрос о буддийском содержании собрания: какие способы быть буддистом в нём представлены, как они соотносятся между собой и из какой трактовки учения исходят. Обсудить всё, что относится к этой обширной теме, мы не сможем, но обозначим основные, на наш взгляд, положения.

Мы пользуемся изданиями [Konjaku monogatari-shu 1993–1999; Konjaku monogatari-shu 2014–2018]. «*Кондзяку*» делится на 31 свиток, из них 8-й, 18-й и 21-й не сохранились или не были составлены, но для них предусмотрено место в структуре собрания. При ссылках на собрание первая цифра – номер свитка, вторая – номер рассказа в нём.

Рассказы об Индии (свитки с 1-го по 5-й, 185 рассказов)

Как и в других странах буддийского мира, в Японии жизненный путь Будды Шакьямуни (Сякамуни), основателя учения, мыслится как неповторимый – ибо такой благой кармы не накопил и не накопит больше никто, только прежние будды и будущий будда Майтрея (Мироку) близки к этому. Однако путь Будды служит образцом для каждого буддиста, ибо «стать буддой» в широком смысле слова, обрести освобождение, может каждый.

Будда в «*Кондзяку*» не начинает традицию, а продолжает её: он действует как преемник прежних будд, проповедует их Закон, а не свой. С самого рождения в мире людей Будду сопровождают боги, и когда царь, его отец, совершает благодарственный обряд после рождения сына, божество говорит: «Не приходи с ним поклоняться мне. Это я буду поклоняться ему!» (1–2). Божество показывает царевичу старика, больного, умершего и нищего странника, побуждая уйти из дому; в «*Кондзяку*» царевич видит не сами страдания, а

их образы, созданные чарами (1–3); боги помогают царевичу и на пути к просветлению, и позже. Таким образом, путь Будды и путь богов не противоположны друг другу, а когда люди их противопоставляют, это вызывает гнев самих богов. Вообще индийские божества, *тэн*, в японских текстах отличаются от японских *ками*, но в «*Кондзяку*» и те и другие обозначаются как *дзинги*, «боги неба и земли». Итак, единство почитания богов и будд возводится ко временам Шакьямуни, а японские *ками* причисляются к некому единому сообществу богов, населяющих все страны мира.

Важнейшее место в «*Кондзяку*» занимают отношения Будды с родными: отцом, матерью (она умерла вскоре после рождения сына, возродилась на небесах, но и оттуда не оставляет сына своими заботами), с тёткой (она же приемная мать), с единокровным братом, кузенами, женой, сыном и всем родом шакьев. «Уход из дому» не означает разрыва родственных связей; в кругу ближайших учеников Будды немало его родичей, а когда в войне с соседом шакьи терпят сокрушительное поражение, живы остаются лишь несколько человек, в том числе те, кто пошёл за Буддой (2–28). Эти рассказы опровергают известный китайский довод против буддизма: что монахи, «уходя из дома», отрекаются от сыновней преданности, от заботы о родных. Но в этих же рассказах можно увидеть и ответ на упреки, нередкие в хэйанской Японии: что высшие должности в буддийской общине занимают люди из знатных семей и продолжают больше времени уделять домашним делам и политике, чем вере и благочестию. Эта семейственность в буддийской общине, согласно «*Кондзяку*», тоже восходит к веку Будды.

Будда не одинок ещё и в том смысле, что в своём веке он – лишь один из множества проповедников, и «иноверцы», *гэдо*., постоянно спорят с ним. Но свою правоту он и его ученики доказывают чаще не словами, а делом, чудесами (1–12 и др.). Так же, делом, они обращают людей к учению. Несколько раз в «*Кондзяку*» описано чудо с дверями: они кажутся открытыми, но когда человек пробует в них войти, закрываются, ибо он движется к неверной цели (1–18, 3–19 и др.). Истинное учение не существует само по себе, но только в окружении иных учений; истинное и ложное предполагают друг друга, решается же их спор в практике, причем скорее обрядовой, чем какой-либо другой.

Будда в рассказах почти не проповедует для всех сразу, но очень часто предсказывает будущую участь конкретного человека или сообщает о его делах в прежних жизнях. Этому подражать невозможно (у людей такого знания нет), но можно понять принцип, как за что воздается. Путь самого Будды в прошлых жизнях – это путь самопожертвования: ради Закона, или ради родителей, или ради кого-то, кто страдает (5–7 – 5–14). Но и грехи в прежних жизнях он совершал (по глупости, из жадности и т.д.), а другие люди были милостивы к нему (2–3, 2–28, 3–14, 3–28).

Рассказы об уходе Будды (3–28 – 3–35), как кажется, имеют в основном «исторический» смысл: сожжение тела Шакьямуни и разделение его праха между народами Индии дают начало передаче традиции, которая через века дойдёт до Японии. Но в какой-то мере эти же рассказы учат тому, как держаться в смертный час: Будда не умирает, а уходит в нирвану, но до последнего остается учителем, отцом, почтительным сыном (даже из гроба он встаёт, чтобы проститься с матерью, 3–33).

Чтобы подражать Шакьямуни, надо «уйти из дому». Как ещё можно следовать по тому же монашескому пути, видно на примерах учеников Будды. Рассказчик отмечает, что среди них Ананда был самым внимательным слушателем, Шарипутра – самым мудрым

наставником для новичков, Маудгальяяна – самым сильным чудотворцем, а Пиндола изобретал самые хитрые «уловки». В общине каждый из них может заниматься тем, к чему имеет способности. Есть примеры и других учеников, пошедших в монахи от бедности, от отчаяния или даже по ошибке; все они проходят путь к освобождению.

В рассказе 4–9 странник обходит несколько индийских храмов и встречается в них монахов-безумцев (один непрерывно суетится, другой кричит по ночам, третий и четвёртый всё время проводят за игрой в шашки): все они, как выясняется, ведут себя так вполне сознательно, исходя из своего, весьма глубокого понимания Закона. Примеры Асанги, Васубандху, Нагарджуны, Арьядевы и других знаменитых наставников махаяны отчасти тоже сводятся к тому, что мудрость и безумие относительны; этим людям бывали не чужды и сильные страсти, в том числе страсть к истине, а она тоже сбивает с пути (4–24 и далее). Их парадоксальные истории отчасти отсылают к традиции Дзэн.

Путь для мирян в этой части «*Кондзяку*» – это прежде всего путь щедрости. Много говорится о ценности малого подаяния: щедрым может быть даже бедняк (1–31 – 1–36; 2–6 – 2–13, 4–15). Из других путей упоминаются: слушание сутр, повторение слов «ищу себе прибежища у Будды, Учения и Общины», соблюдение заповедей и др. Особое место отводится строительству и починке пагод, изготовлению и почитанию изображений будд. Дело здесь не только в том, что пагоды и статуи сохраняются веками, обеспечивая прямую преемственность традиции (рассказчик не раз упоминает, что их воочию видел в Индии китайский паломник Сюань-цзан). Дело ещё и в том, что построить пагоду, создать статую и т.д. – дело, исполняемое не в одиночку; оно завязывает добрые связи между людьми на много жизней вперёд (2–15 и др.). Точно так же возникают дурные связи от совместных грехов. О пути, ведущем к дурным рождениям, тоже говорится немало: чтобы избежать его, нужно воздерживаться от убийства, не лгать, не обижать монахов. Любопытно, что рассказ о самом страшном грешнике Махадеве, убившем отца, мать, праведника, внесшего раздор в общину, обрывается на полуслове (4–23); возможно, для рассказчика важно, что преступления Махадевы следуют одно из другого, и читатель сам может представить себе дальнейшее, примерить на себя его ужасную судьбу.

В индийской части «*Кондзяку*» есть героини-миряне, на чьих примерах показаны пути правителей (цари Прасенаджит, Аджаташатру, Вирудхака, Ашока – могущественные, но подверженные порой разрушительному гневу); богачей (Судатта, несколько раз за свою долгую жизнь успевший разориться и вновь нажать огромное богатство); врачей (Дживака, не просто лекарь, но ещё и мудрый советчик). Завершают индийскую часть рассказы о пути животных, где олени, слоны, обезьяны, лисицы, черепахи, змеи и прочие поддаются тем же страстям, что и люди, а порой бывают и мудрыми, и милосердными. Любопытно, что несколько выше говорится, что почитание Амитабхи (Амида) люди переняли от птиц и диковинных рыб, повторявших имя этого будды (4–36, 4–37).

Рассказы о Китае (свитки с 6-го по 10-й, 174 рассказа)

Для композиции «*Кондзяку*» характерен принцип матрёшки, когда и на уровне всего собрания, и на уровне отдельных свитков большие темы, затронутые в первых историях, впоследствии рассматриваются подробнее, взгляд повествователя становится более узким, но и более внимательным, более точно направленным. Так, первые два свитка китайской части

(6-й и 7-й), с одной стороны, продолжают индийскую часть. В них говорится о распространении Закона Будды, о том, кто и как первым начал проповедовать истинное учение в Китае, с какими препятствиями пришлось столкнуться, как начиналось почитание священных текстов, статуй и *шарира* – чудодейственных останков будд. Первая попытка оказывается неудачной, циньский Ши Хуан-ди заточил приезжих монахов в темницу, так что Будде пришлось лично явиться туда, выломать двери и спасти узников (6–1). Потом уже, при Хань, появились и проповедники, и сутры, изображения и останки будд. С другой стороны, в свитках раскрывается намеченная раньше тема – бытование в земном мире зримых атрибутов Закона Будды. Как и раньше, истинность учения и способность буддизма освободить людей от страданий подтверждаются делом: в первую очередь чудесами. Их творят статуи (6–12 – 6–15, 6–7 – 6–25 и др.), рисованные изображения будд, мандалы (6–16, 6–30) и буддийские книги. Почитание священных текстов (или, напротив, пренебрежение к ним) становится, в свою очередь, темой для отдельного, более подробного обозрения. Семнадцать рассказов из второй части 6-го свитка и весь 7-й свиток посвящены воздаянию благом и злом в этой жизни или сразу после смерти за хорошее и дурное обращение с буддийскими книгами. Рассказы «*Кондзяку*» подтверждают важность почитания «Лотосовой сутры», особенно чтимой в Японии: ей посвящена примерно половина рассказов 7-го свитка.

Можно построить шкалу деяний: от дурных поступков, наказанием за которые становятся неизмеримо долгие мучения в подземных темницах, к благим, влекущим за собой перерождение в Чистой земле. Самые страшные преступления, которым противятся и будды, и боги, – непочтительность к священным предметам, книгам, статуям. Но жуткие картины возмездий за прегрешения даются как фон, на котором разворачивается действие. Сами герои чаще всего спасаются, хоть и совершают путешествие в загробное царство и воочию убеждаются в том, что ждёт людей, виновных в преступлениях против буддизма (6–11, 6–18, 6–38, 7–32, 7–45 и др.). При этом к случайным, бытовым грехам, составители «*Кондзяку*» относятся снисходительно, не считают их поводом для наказания. Так, в рассказе 7–26 мужчина чудом вспомнил свою прошлую жизнь в теле женщины: он говорит, что в прежние времена она прожгла листы «Лотосовой сутры», которую всё время читала и читала. Она собиралась переписать сутру, да позабыла, и это никак не осуждается: рассказчик, наоборот, заключает, что память о прошлой жизни дана герою как награда за почитание «Лотосовой сутры».

Если же человек чтит священные тексты, бережно хранит их, регулярно читает вслух или про себя, а лучше всего – переписывает, распространяет учение, он непременно уберёжет себя и близких от беды и после смерти возродится в Чистой земле. Как и в других историях жанра *сэцува* и во многих махаянских текстах, сознательность здесь – условие благое, но вовсе не обязательное. Например, женщина, ненавидящая всё, что связано с буддизмом, зайдя случайно на территорию храма и услышав от тамошних монахов название «Махапраджняпарамита-сутры», скорей побежала к реке и омыла себе уши, бранясь: «Ах, какие нехорошие слова... я слышала!» Позже, на посмертном суде то, что она в сердцах произнесла название сутры, оказалось достаточным основанием, чтобы она спаслась от мучений в аду и возродилась на небесах (7–3). Очень часто герои совершают благие дела ради того, чтобы спасти своих близких, знакомых или просто случайных встречных (6–18, 6–31, 6–38, 6–45, 7–8, 7–10, 7–17, 7–19, 7–21, 7–46 и др.). Так оказывается, что не только обрести освобождение может каждый,

но и возвращать в себе милосердие, важнейшее свойство бодхисаттв, может и должен каждый человек, даже если он не подчиняет всю свою жизнь следованию путём праведника.

Среди мирских установлений, которыми знаменит Китай и которые постарались усвоить японцы, когда приобщились к его книжности, главное место занимает «забота о старших»,

ко:ё:, – прежде всего о родителях, но также и о начальниках, благодетелях и др. В 9-м свитке собраны знаменитые истории почтительных сыновей и дочерей (о ростках бамбука, добытых из-под снега для больной матери, и т.п.). К ним добавлена ещё одна серия рассказов о загробном суде. Здесь сильнее смерти оказываются не только связи между родителями и детьми, но и связи между начальниками и подчинёнными, старшими и младшими по службе. Другая тема этих рассказов – нехватка кадров в мире мёртвых: людей призывают в помощники загробным судьям, и на «Тёмной дороге» воспроизводятся бюрократические порядки мира живых. Пристрастность – родственная, товарищеская, земляческая – казалось бы, должна вовлекать человека всё глубже в круговорот страданий, но в «Кондзяку» она же служит движущей силой добрых дел. А значит, быть хорошим родичем и чиновником – один из способов следовать по пути милосердия. Без заботы о старших человек жить не может, как показано в рассказе 9–46, где случайные попутчики договариваются быть друг другу «отцом» и «сыновьями»; человек естественно, не задумываясь, выстраивает для себя иерархию связей с другими людьми и тем самым хотя бы отчасти чувствует всеобщую связь, заданную законом воздаяния.

В рассказах по китайской мирской истории свитка 10-го та же мысль получает развитие: здесь говорится о связях между правителем и подданным, между супругами, друзьями, учителями и учениками. Верность и предательство, праведность и злодейство в конечном счете относительны: история Китая учит, что порой приходится менять династии, ради пользы дела нарушать договоры, что любящие расстаются, а нелюбовь связывает людей на долгие годы. Из книг мудрецов известно, что порой и Конфуция, и Чжуан-цзы ставили в тупик слова и поступки обычных людей (10–9 и далее); часто люди считают кого-то смешным и странным, а время доказывает его правоту (10–36 и др.); стало быть, мудрость и глупость относительны. Таким образом, изучение исторических преданий помогает подойти к усвоению буддийского учения о «пустоте», относительности любых истин в мире всеобщей взаимообусловленности.

«Буддийские» рассказы о Японии (свитки с 11-го по 20-й, 390 рассказов)

Первый рассказ японской части, о царевиче Сётоку (11–1), намечает сразу несколько путей: это почитание буддийских книг, соблюдение поста, борьба с врагами Закона, строительство храмов и перенос в Японию останков Будды, поддержание традиции, переданной из Китая. Важно, что эти пути доступны и монаху, и мирянину, и основателем японской общины выступает как раз мирянин. В следующих рассказах (11–2 – 11–12) речь идёт о знаменитых подвижниках VIII–IX вв., все они за одним исключением – монахи, каждый выступает в одной из ролей: проповедник (Гёки), чудотворец (мирянин Эн-но Одзуну), книжник (Досё), мастер диспута (Додзи), советник при дворе (Гэмбо), провидец (Бодай, индиец), хранитель заповедей (Гандзин, китаец), мастер кисти (Кукай), ваятель (Сайтё), странник (Эннин), хранитель традиции в целом (Энтин). Далее следуют предания о знаменитых храмах, их можно понять и в историческом ключе, и как примеры того, какие

трудности и какие чудеса ожидают людей на пути строительства храмов. Велик храм или мал, дело его создания – не для одного человека: оно помогает завязать связи и с местными божествами, и с подвижниками прошлых веков (теми, кто открыл святое место, но храма не построил), и с общинами иных стран (в рассказе 11–15 храм переносят сначала из Индии в Корею, а затем в Японию). В нескольких рассказах основание храма оказывается общей заслугой человека и животного (верного коня и др.). Рассказы делятся на две группы: в случае древних храмов их строители в основном заняты воспроизведением уже существующего образца, земного или небесного, а для строителей храмов эпохи Хэйан важнее оказывается освоение места, отмеченного святостью.

Исторический подход преобладает и в начале 12-го свитка, где рассказано, когда и как в Японии впервые стали проводить важнейшие буддийские обряды, прежде всего чтения сутр. Вокруг каждого из них возникает своя субтрадиция, хотя один и тот же человек может участвовать в разных обрядах. Общая тема этих рассказов – взаимоотношения монашеской общины с божествами *ками* и с мирянами, главным образом государями и их приближёнными; каждый обряд – способ умиротворить богов и направить благочестивое рвение мирян в то русло, где их усилия принесут наибольшие заслуги всей стране. Коль скоро нужды у страны в разное время разные, то и обрядов должно быть несколько, а обеспечивается это многообразие различными наставлениями, которые давал в своё время Будда и которые записаны в сутрах, служащих основой для того или иного обряда. В свою очередь, разные сутры дают случай монахам проявить себя с разных сторон, включают в систему государственной обрядности людей с различными задатками и склонностями. В итоге ритуалы образуют годовой цикл, хотя в «*Кондзяку*» и не все обряды этого цикла обсуждаются одинаково подробно. Вместе с тем обряды взаимозаменяемы, коль скоро каждая сутра по-своему отражает всю полноту Закона.

Как по-разному можно чтить одну и ту же сутру и какую пользу из нее извлекать, показано в следующих рассказах 12-го свитка и в свитке 13-м. Путь почитателя «Лотосовой сутры» – это путь исполнения содержащихся в ней предсказаний: подвижники переживают суровые испытания (13–10, 13–22 и далее), однако им помогают боги, демоны, звери, и тем самым сутра объединяет обитателей разных миров; подобно тому как в сутре говорится, что Будда вечен, подвижник обретает долголетие или сохраняет способность читать сутру и после смерти (13–29, 13–30); он никого не презирает, «ибо все пройдут путь бодхисаттвы и станут буддами», и получает то же самое в ответ: на этом пути нет презренных людей, какими бы они ни были бедняками, грешниками и т.д. В свитке 14-м появляется целая череда героев, которые не справляются с самим почитанием сутры: стараются, но не могут выучить какую-то её часть, не способны проповедовать из-за телесных недостатков и пр. Каждая такая неудача имеет причины в прежних жизнях, но все они оказываются преодолимы (14–12 – 14–24). Пути почитания других сутр отчасти такие же, но в рассказах о них во второй половине 14-го свитка возникает мотив соперничества: выбирая одну из книг канона в качестве главной, человек делом старается доказать её превосходство над другими, ищет и добивается чудес, и даже если ему самому эти чудеса нужны как подтверждение его выбора, другим людям они как правило приносят какую-то пользу. Как и в случае с «Лотосовой сутрой», пути почитателей других книг ведут к парадоксу: сказанное в сутрах истинно, и поэтому должно быть доказано сознательным усилием человека, хотя эта истина в доказательствах не нуждается. Дело в том, что сам выбор главной книги определяется

прежними деяниями, и усилия подвижника по сути направлены на то, чтобы осознанно исполнять свою карму, а значит, достичь той свободы, какая только и возможна в здешнем мире. То же самое верно и для других путей, но в случае с путём книжников проявляется особенно наглядно.

Совсем иначе, казалось бы, устроен путь почитания будды Амида и Чистой земли: здесь достаточно довериться «силе Другого», доказывать ничего не нужно. Однако в свитке 15-м подвижники-амидаисты не ограничиваются верой и молитвой: они творят обряды, читают и переписывают сутры о Чистой земле, сосредоточенно созерцают её, воспевают в стихах и изображают на картинах. В «*Кондзяку*» равенство всех людей на пути Амида подчёркивается тем, что кончина монахов и мирян, праведников и грешников, мужчин и женщин описана почти одними и теми же словами: «сидя прямо, лицом к западу», они повторяют молитву, и к каждому приходит «толпа святых», чтобы с почётом проводить в буддийский рай. Равенство выражается ещё и в том, что люди одну и ту же веру осуществляют каждый по-своему, сообразно своему положению в земном мире.

В следующих двух свитках картина снова меняется: здесь люди условия своего существования не принимают со смирением, не радуются им как испытаниям, а восстают против них: пытаются избавиться от бедности, спастись от врагов, вырваться из круга семейных несчастий. Не случайно в свитке 16-м, где говорится о чудесах бодхисаттвы Каннон, много рассказов о разбойниках – нарушителях принятого порядка, и просто о дерзких, храбрых людях. Путь неприятия страданий, своих и чужих, тоже может быть буддийским путём: всеохватное милосердие бодхисаттвы помогает каждому человеку преодолеть именно те беды, какие для него горше всего, и тем самым ведёт к осознанию причин страдания, а некоторые люди сами встают на путь милосердной заботы о ближних, подражая бодхисаттве. И в 16-м свитке, и в 17-м, где речь идёт о других бодхисаттвах, важны также мотив «подмены тела», *мигавари* (когда статуя бодхисаттвы принимает на себя раны, наносимые человеку: 16–3, 16–5, 17–3 и др.) и мотив явления бодхисаттв в образах людей. Общий итог этих рассказов такой: хотя у каждого свои страдания и своя ответственность по закону воздаяния, разные существа в здешнем мире взаимозаменяемы, а значит, внутренне едины друг с другом.

Между первыми свитками японской буддийской части (с 11-го по 17-й) и заключительным, 19-м, образуется разрыв из-за отсутствия 18-го свитка. Вполне вероятно, что разрыв этот не случаен. До сих пор уже не раз в «*Кондзяку*» встречались размышления о том, как лучше чтить Будду, и хотя мирской путь подчас бывает столь же плодотворен, как и монашеский, этот последний всё равно надёжнее и вернее. Пожалуй, так можно сформулировать основную мысль 19-го свитка, посвящённого теме выхода из дому и тому, что происходит с монахами и мирянами. Постриг – событие, важность которого в буддийском мире сложно переоценить, и в 19-м свитке половина историй (20 из 44) посвящены ему. Принять решение пойти путём Будды Шакьямуни никогда не поздно. В рассказе 19–12 божества слетаются в храм почтить глубокого старика, который просит монаха обрить ему голову.

Уйти в монахи может каждый, будь то бедняк, которому нечем кормить семью (19–6), или принцесса (19–17, 19–18). Если в прежних рассказах «*Кондзяку*», особенно в китайской части, связи с родными оказывались вполне совместимыми с буддийским благочестием, то в начале 19-го свитка акценты расставлены иначе. Здесь в рассказах о постриге чувства,

обуревающие людей, трактуются однозначно отрицательно. Каждый раз, когда героям удаётся их преодолеть, оставить в миру родителей, возлюбленную, жену и детей, повествователь оказывается на стороне бесстрастия. В рассказе 19–10 у человека умерла жена, которую он безмерно любил. Герой отказался от жизни в миру и ушёл в монахи, не слушая рыданий маленькой дочери, и повествователь, сочувствуя его горю, полностью принимает его решение: в тексте нет и намека на осуждение его поступка. Правда, в следующих историях рассматриваются самые разные ситуации с различным итогом. Составители вспоминают о почтении к родителям (19–25 – 19–27), животные и умершие отдают человеку долг благодарности, простые люди сталкиваются с демонами *тэнгу* и с ворами. А заключительные рассказы снова возвращают к ценности милосердия: женщина заботится о ребёнке беднячки (19–43), а брошенного младенца вскармливает собака (19–44).

Как и в индийской и китайской частях, здесь в «*Кондзяку*» проводится грань между «уходом из дому» (принятием монашества) и «пробуждением сердца», *хоссин*, сознательным обращением на путь Будды. Для монаха, прошедшего долгий путь храмового ученичества, по сути дело ещё не решено: если сердце его не пробудится, он с точки зрения будущей его судьбы остаётся в том же положении, что и миряне. С другой стороны, сердце может пробудиться и у мирянина, в том числе грешного, и в этом смысле примеры из 19-го свитка особенно важны: здесь речь идёт о выборе монашества как пути к освобождению, а не как одной из жизненных стратегий. В этом смысле «*Кондзяку*» до некоторой степени предвосхищает тот поворот в японском буддизме, который совершится на рубеже XII–XIII вв., когда роль властителей дум в общине перейдёт от служилых храмовых монахов к отшельникам *тонсэй* [Matsuo 1997].

20-й свиток, пограничный между буддийским и мирским разделами, с разных сторон подводит к ответу на вопрос, что значит быть человеком в буддийском смысле слова. Здесь люди встречают обитателей иных миров: *тэнгу*, лисиц, кабанов и прочих животных, способных наводить чары, узников «подземных темниц» и др. Встречи со всеми этими существами позволяют понять, чем путь людей отличается от других путей перерождения: страдания и страсти на нём не настолько сильны, как на других путях, и хотя могущество людей тоже невелико по сравнению, скажем, с демонами, именно людям легче всего вступить на путь Будды – срединный между крайностями. При этом «только того, кто помнит о долге перед другими, себя не бережёт, а за милость воздаёт, зовут человеком» (20–44), это видно из рассказов, где люди помогают и животным, и узникам ада, из историй о должниках (20–25 и далее) и о праведниках (20–39 и далее). Вести себя по-человечески в обыденном смысле слова уже означает двигаться по буддийскому пути.

«Мирские» рассказы о Японии (свитки с 22-го по 31-й, 291 рассказ)

Хотя следующие свитки и называются мирскими, а истории, в них вошедшие, отличаются поразительным тематическим разнообразием, когда подчас поучительный мотив каждого отдельного рассказа очевиден не сразу, мы считаем, что и эти разделы по сути можно считать «буддийскими». «*Кондзяку*», таким образом, не делится на две половины, «буддийскую» и «светскую», а представляет собой единое произведение с целостным замыслом. Собранные в «мирском» разделе истории дополняют буддийскую картину мироздания, показывая другие стороны его бытия. Отдельные рассказы могут не иметь очевидной связи с буддийскими воззрениями, однако их поучительный смысл, внятный для

читателя XII в., будучи предельно простым, строился на тех же принципах, побуждая людей стремиться к праведной жизни [Konishi 1991, p. 129].

Если в 20-м свитке путь человека соотносился с судьбой других существ, то в рассказах свитков с 22-го по 25-ый показано, какими вообще бывают человеческие дороги, не только в религиозном смысле, но в обыденном.

Отсутствующий 21-ый свиток (возможно, умышленно опущенный) мог быть посвящён японским государям. 22-ой свиток рассказывает о судьбах сановников из рода Фудзивара, наиболее могущественного в стране. С историями их жизнью составители обращаются по-своему, иначе, чем в исторических произведениях, подбор биографий и способ их изложения не всегда ожидаемые, но в итоге весь свиток становится похож на один большой поучительный рассказ, где главный герой – не отдельный человек, а целый род. Он не восхваляется безмерно и не принижается, а изображается как пример реализации воздаяния, тем более яркий, что персонажи – люди родовитые, известные, но при всей исключительности их положения (заслуженной в прежних рожденьях), подвержены действию универсальных законов точно так же, как и прочие смертные.

В 23-м свитке тоже говорится о людях исключительных, только теперь преуспевших не на политическом поприще. Здесь собраны рассказы о героях, одарённых необыкновенной силой, причём сила эта не всегда физическая. О том, что человеческая мощь – следствие заслуг из прошлых жизней, составитель напоминает, помещая в свиток рассказы о богатырях, и в заключение второго из них говорит: люди гадали, какие заслуги этой женщины в прошлом могли привести к тому, что она родилась столь могучей.

Аналогичным образом и в предыдущем свитке с помощью послесловий к рассказам составитель несколько раз возвращает читателя к буддийской трактовке событий. В рассказе 22–5 он замечает, что процветание или упадок рода, успехи потомков – следствие воздаяния за дела прошлых рождений. В рассказе 22–7 юноша из рода Фудзивара случайно встречается с бедной девушкой, и этот союз принесёт им большую славу, их дочь однажды станет матерью государя, а рассказчик объясняет: такие чудесные совпадения происходят из-за клятвы из прежних рождений. Связи, которые в данный момент определяют успех человека, могли быть завязаны ещё в его прошлых жизнях. Но в нынешней жизни будут завязаны новые связи, и их качество будет зависеть от поступков человека: молодой Фудзивара мог сделать иной выбор и никогда не вернуться к случайной знакомой, не узнать о собственной дочери, не стать дедом государя...

В 24-ом свитке продолжается тема выдающихся способностей, только не просто таланта «случайного», побочного, а такого, который стал основой мастерства героев, часто – делом их жизни. Многообразие путей человеческого мастерства – это и многообразие путей к спасению тоже, потому что разные действия человека создают связи дурные и благие. Так, в рассказе 24–19 музыкант случайно встречает людей, читающих стихи-гатхи во славу бодхисаттвы Фугэн, играет для них на флейте – и благодаря этому доброму делу остаётся жив, хотя срок его жизни уже подходил к концу. Герои 24-го свитка – самые разные люди в разных обстоятельствах, но каждый из них в чём-то может оказаться исключительным человеком: не раз в этом разделе возникает мотив недопустимости презрения к другим, ведь другой всегда может превзойти нас на пути какого-либо мастерства. Эта идея созвучна иной: в каждом есть природа будды. При этом люди, даже будучи гениальными в чём-то одном, вовсе не

обязательно безупречны и в других сферах жизни. В этом тема «мирского» мастерства отчасти перекликается с индийской частью: даже великие наставники грешили, даже выдающийся мастер может оступиться, но это не умаляет их способностей и достижений, а отсюда следует, что никогда не надо отчаиваться на пути спасения. Никто не совершенен, у каждого человека своя сила и свои слабости, каждый может найти свою дорогу в жизни – и дорогу к Будде.

Даже воины – им посвящён 25-й свиток собрания – не исключаются из этой картины мира. Их связанное с насилием ремесло здесь даже не порицается открыто, просто мир устроен так, что часть людей рождается воинами. Воины тоже могут быть безупречны в своем ремесле. На этом пути есть свои добродетели, такие как мужество или предусмотрительность, и свои злодеяния: например, воин хорош, пока он служит установлению порядка в стране, но если он обращает свою силу против государя – это несправедливый поступок. Так заслужил адские муки знаменитый мятежник Тайра-но Масакадо (ум. 940 г.), история о его смуте открывает свиток. Хорошо, когда воины обладают общечеловеческими добродетелями, милосердием или справедливостью. Также ничто не мешает воину покаяться в грехах и всё же прийти к вере – это мы знаем из рассказов буддийской части «*Кондзяку*». И если воин обратится за помощью к бодхисаттве – он её получит, как и любой другой человек. И всё же по своему желанию, а не по рождению, избирать такую профессию, видимо, не стоит: так можно понять слова рассказчика об одном из знаменитейших хэйанских воинов, Фудзивара-но Ясумаса (958–1036), о котором в свете судачили, будто Ясумаса не имел потомков по той причине, что он был не из воинского рода, но не пошел по стопам предков (25–7).

Рассказы этих «мирских» свитков можно считать своего рода «уловками», призванными донести всё те же истины иным способом, кому-то из читателей более понятным, с использованием множества красочных и разнообразных примеров.

Тема 26-го свитка – «воздаяние за поступки, совершённые в прошлых жизнях». Если считать недостающий 21-й свиток, то 26-й – центральный в японской «мирской» части, и тогда его место в книге согласуется с той точкой зрения, что буддийские представления (в данном случае, о непреложности закона воздаяния) лежат в основе всех рассказов «*Кондзяку*». Правда, рассказы в этом свитке таковы, что распознать в событиях воздаяние можно либо по прямым указаниям рассказчика (26–1, 26–3, 26–4, 26–22), либо по косвенным признакам. Где-то упоминаются прошлые жизни, как, например, в рассказе 26–13 о том, как чиновник случайно разбогател, забрав из дома одной старухи слиток серебра. Старуха думала, что избавляется от огромного камня, мешавшего ей, и рассказчик заключает, что и судьба чиновника, и судьба старухи оказались следствием каких-то (неизвестных) событий, произошедших с ними в прошлых жизнях. Иногда можно предположить, что речь идёт о воздаянии за поступки, совершённые в прошлых жизнях, поскольку герои рассказов – дети, подростки или известные люди ещё до того, как они прославились. Во всех этих случаях (26–1, 26–3, 26–17 и др.) персонажи ещё не успели совершить в этой жизни ничего значительного, поэтому воздаваться им может только за деяния, совершённые в прошлых жизнях.

Все рассказы 26-го свитка полны чудес и приключений. Люди помогают гигантскому змею победить гигантскую же многоножку. Фудзивара-но Акихира чудом спасается от гибели благодаря тому, что лунный луч освещает подвязки его шаровар как раз в тот миг,

когда над ним уже занесён меч. Из собачьей головы женщина вытягивает чудесные шёлковые нити. Огромная волна, вместо того чтобы потопить героя, выносит к его ногам сундук с волшебным поясом, приносящим богатство и процветание. Больная девочка гибнет, сцепившись в схватке с ненавидящим её псом. Есть и более обыденные происшествия, например, то, как Фудзивара-но Тосихито подшутил над бедным чиновником, наварив ему десятки котлов бататовой каши. Но и здесь кроется чудо: Тосихито не стал заставлять чиновника есть до изнеможения, обошёлся с ним милостиво и отпустил с богатыми дарами. По всей видимости, в этом свитке важно не что именно происходит с героями, а последовательно проводимая мысль: что бы ни происходило, всё это непременно встроено в цепочку причин и следствий, которая тянется из прошлых жизней в настоящую.

Сколь бы ни были удивительны итоги прежних деяний, это не значит, что человеку нужно и можно иметь дело со всем, что попадает к нему на жизненном пути. Есть такие встречи, которых следует избегать: им отведен 27-й свиток. В его заглавии стоит словосочетание «призраки и духи», *рэйки*, сюда относятся не только духи умерших, но и духи животных, оживающие предметы, демоны *они*, а иногда даже и божества; их всех можно считать «нечистью», поскольку общение с ними оскверняет. Такие существа встречаются не только на границах населённого мира, но и в обжитых местах, даже в столице поблизости от государева дворца. Самый правильный образ действий для человека – отказ от общения с нечистой силой, «удаление от скверны», *моноими*. С этой точки зрения буддийский путь милосердия совпадает с путем «Тёмного и Светлого начал», который при помощи гаданий и расчётов определяет, где и когда следует опасаться скверны. Большая часть рассказов в этом свитке повествует о том, как люди (по слабости, по глупости, по самонадеянности) не избегали контакта с духами, страдали и гибли из-за этого. Правда, духи, демоны и боги, в отличие от людей, «двигаются только по прямой» (27–23), они в своих действиях менее свободны, чем люди, хотя и пытаются заморочить человека наваждениями, но их возможно перехитрить.

Порой люди сами морочат себя, как не сумел бы никакой демон: относительная свобода человека означает в том числе и большой выбор страстей, которыми можно себя одурманить, «опьянить», *ёу*. Примеры людей, поддавшихся страстям, собраны в свитке 28-м. Помимо собственно пьяниц это обжоры, женолюбы, любители музыки; опьянеть возможно от ядовитых грибов, от страха, от отвращения (например, своего рода страсть – когда человек терпеть не может кошек, 28–31). Страдают эти люди не только от самих страстей, но и оттого, что окружающие смеются над ними, причем иногда опьяняет и сам страх стать посмешищем, и наоборот, балагурство, склонность потешать других. Издеваться над теми, кто подпал под власть страстей, нехорошо, но не смеяться над ними трудно, даже когда жалеешь их. Это свойство человека доказывает, что он по природе своей милосерден: ведь именно смех окружающих помогает опьянённому очнуться.

В 29-м свитке под действием страстей или по стечению обстоятельств люди встают на путь преступлений; другие по долгу службы или опять-таки по обстоятельствам выслеживают и ловят их; третьи совмещают то и другое, как бывшие воры *хо:мэн*, взятые на работу в сыскное ведомство. Злодейство свойственно людям от самых знатных (29–25 – 29–27) до нищих (29–28 – 29–30), «злодеем поневоле» может стать каждый. Путь ловкого вора и путь сыщика похожи в том, что требуют навыка просчитывать причины человеческих поступков и предвосхищать будущие события, а кто не делает этого, тот порой по своей вине

становится жертвой преступников. Завершают этот свиток рассказы о зверях, и их поведение человек хотя бы отчасти тоже может предсказать, понимая его причины. Таким образом, навык противостояния злодеяниям, намеренным и невольным, оказывается значимым в буддийском смысле слова, не только с точки зрения милосердия к жертвам злодеяний, но и с точки зрения понимания причинно-следственных связей, стоящих за нарушениями принятого в обществе порядка.

Небольшой по объёму 30-й свиток отведён рассказам о любви, в основном несчастной – но не из-за каких-то непреодолимых внешних препятствий, а из-за сомнений в чувствах друг друга. Взаимная «клятва», *тикаи*, не даёт взаимопонимания, и на этом пути люди как никогда ясно понимают, что связи, заданные по закону воздаяния, даже если принимаешь их, хочешь поддержать и укрепить, всё равно очень хрупки; лучшим средством сохранить любовь, удержать связь с любимым человеком, пусть уже и после разлуки, служат стихи как нечто неподвластное времени.

О том, как повседневный опыт подтверждает учение будды о непостоянстве, говорится в заключительном, 31-м свитке «*Кондзяку*». Недавно основанное святилище разрушают, храмы переходят из рук в руки по воле мирских властей, старые обычаи забываются, вновь открытые земли оказываются людям не нужны, чудеса не действуют и т.д. Но путь созерцания непостоянства, *мудзё:кан*, здесь не сводится к печальному смирению; в каждом рассказе за утратой чего-то, что кажется ценным, стоит человеческая воля, причём не воля к разрушению, а стремление отстоять границы – какие-то из многих границ в здешнем мире, проведённых для его упорядочивания, пусть мнимого, но нужного людям.

Заключение

Многообразие буддийских путей в «*Кондзяку*» можно проследить на трёх уровнях:

1. Средства для обретения прижизненных и посмертных благ, которые даёт человеку Закон Будды: наставления различных сутр, обряды, связанные с ними, многообразная помощь будд, бодхисаттв, богов, всевозможные «уловки», сообразные изменчивым условиям непостоянного мира.

2. Способности и склонности человека, которыми определяется выбор того или иного средства и способ его применения, а также поступки, в которых осуществляется этот выбор.

3. Истолкование различных событий исходя из буддийского учения (о воздаянии, об «уловках»), придание буддийского смысла обыденному опыту людей.

Рассказы «*Кондзяку*» свидетельствуют, что на любом из этих уровней в японском буддизме XII в. широко использовался опыт разных буддийских традиций, соотносимых с почитанием разных будд, разных сутр, разных наставников Индии, Китая и самой Японии. При этом каждая из традиций могла быть задействована не только в её насущном состоянии, но и в её исторически менявшихся формах, насколько они были известны. Значительное место уделяется чудесам, сокращающим дистанции как в пространстве, так и во времени, но в конечном счете единство большого мира и общность судеб буддийских общин разных стран и эпох не столько заявлены напрямую, сколько показаны многочисленными сюжетными переключками между рассказами разных частей собрания.

Так или иначе герои рассказов, каждый на своем пути, нарочно или невольно достигают целей, значимых для освобождения. При этом никто не спасается в одиночку:

достижения каждого человека в отдельности заведомо невелики, но его поддерживают дела других людей, знакомых и незнакомых, современников и предшественников; сложенные вместе, эти дела убедительно свидетельствуют о правоте Будды. В непостоянном мире никакой успех не бывает полным, но и неудача не бывает окончательной: в близком или отдалённом будущем каждый поступок оказывается небесполезен.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Трубникова Н.Н., Бабкова М.В., Коляда М.С. «Собрание стародавних повестей», «Кондзяку моногатари-сю», в истории японской религиозно-философской мысли. 2018–2020. URL: <https://trubnikovann.wixsite.com/trubnikovann/blank-czx1> (дата обращения: 12.12.2020).

REFERENCES

Trubnikova, N.N., Babkova, M.V., & Kolyada, M.S. (2018–2020). «Sobranie starodavnikh povestei», «Konjaku monogatari-shu», v istorii yaponskoi religiozno-filosofskoi mysli [*Konjaku Monogatari-shū* in the history of Japanese religious philosophy]. Retrieved December 12, 2020, from <https://trubnikovann.wixsite.com/trubnikovann/blank-czx1> (In Russian).

* * *

Konishi, J. (1991). *A History of Japanese Literature: Vol. 3. The High Middle Ages*. Princeton: Princeton University Press.

Konno Tōru, et al. (Eds.). (1993–1999). *Konjaku monogatari shū*, SNKBT series (Vols. 33–37). Tokyo: Iwanami. (In Japanese).

Matsuo, K. (1997). What is Kamakura New Buddhism. *Japanese Journal of Religious Studies*, 24/1-2, 179–189.

Nakagawa Satoshi (Ed.). (2014–2018). *Konjaku monogatari shū*. Retrieved December 12, 2020, from http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html (In Japanese).